

Петер Феранец: в Большом театре люди отошли от реальности

Аларашевский театр - 1997 - № 8-9 - с. 7

Начало оперной сезон Большого театра. Для новых художественных руководителей он будет первым. Среди них — случай в истории Большого театра: два лица беспрецедентны — есть и один иностранец, молодой дирижер из Словакии Петер Феранец, вступивший в должность музыкального директора. После успешной работы над постановкой «Свадьбы Фигаро» Моцарта в минувшем сезоне он подписал с театром соответствующий контракт — пока на два года.

— Скажите, Петер, как это вы — достаточно благополучный молодой человек — решились связать свою судьбу с Россией, пусть даже и на несколько лет?

— Знаете, я считаю, что связал себя не столько с Россией, но прежде всего — с Большим театром. И в Москве меня интересует в первую очередь судьба Большого театра: потенциал здесь огромный и работы очень много. Нам приходится сейчас начинать с начала, строить оперный репертуар, потому что есть только несколько русских названий, а мирового репертуара как такового почти нет. В прошлом сезоне была только одна оперная премьера. Не знаю, по каким причинам — объективным, субъективным, — но факт есть факт и, я считаю, это было позором для Большого театра. На нынешний сезон мы наметили три постановки и три оперы в концертном исполнении. Если все это удастся сделать, то, я считаю, будет скачок вперед.

— Но театр существует не в изолированном пространстве. Современные реалии нас не пугали?

— Нет, раньше учился в Ленинграде, хотя это было другое время. Огромная разница между началом перестройки и сегодняшними, я бы сказал, дикими рыночными отношениями. Но все же я не могу сказать, что в России пугало. У меня здесь связи, друзья. И хотя я — первый иностранец, который приехал сюда на гастролировать, а работать, но, надеюсь, не последний, потому что если Россия хочет как-то стать на равных с Европой... В Европе тоже смешиваются культуры, люди, языки. В той же Вене живут славяне, англичане, евреи... Россия была много лет закрытой. Такая изоляция, конечно, не могла привести к положительному результату. Все-таки Россия должна обмениваться культурой, если вы сидите на гастролы, то должны принимать иностранцев, итальянцев, например. Есть миллион возможностей, разных путей. Такого раньше не было.

— А ваши возможности забастовки, потасовки и в целом такая вздорная обстановка?

— Конечно, я считаю все это катастрофой для театра. И то, что здесь было, это сразу появилось во всех газетах в Европе. Я был летчик в Зальцбурге и мы давали пресс-конференцию по поводу этого театра. Меня спросили: «Какая там ситуация? Почему вы согласились?» Мы слышали, что там одни забастовки! Никто ничего не делает, не работает. То, что здесь происходило тогда нанесло огромный ущерб имени театра, его репутации. И, конечно, самое страшное — работать в такое время. Это так вредит творческой работе, когда мы тут работаем с одними, а другие, не занятые в спектакле, говорят: «Ну зачем вы так работаете? Это же никому не надо и спектакль все равно выйдет». Эти люди были специально направлены, чтобы вредить постановке, чтобы что-то не было сделано вовремя. Я сначала подумал, что это просто непрофессионализм. Но были люди, которые сознательно работали, чтобы постановка не состоялась. Почему? Зачем — я не понимаю. Наверное какие-то личные обиды, конфликты... Люди здесь привыкли ходить в кабинеты, просить чего-то, что-то принести. Этого я не люблю. Люди, которых мы погорой состав, ходили и спрашивали: «Почему?» Я говорю, принятие спрашивать. Это решение режиссера, мое решение. Давайте сами, почем. Сейчас тоже многие спрашивают: почему не концерт солистов, я хочу послушаться, я могу вам спеть... Я знаю, я знаю как вы поете. В Большом театре, к сожалению, нет непрофессиональных людей, я удивляюсь, как они в театре работают. Солист Большого театра в театре не живет квартирами. И такое может быть! Мы будем очинять нашу задачу — покончить с аномалиями и восстановить нормальную театральную иерархию.

— Не могли бы вы немного рассказать о себе. Вы для нас новый человек. Когда и как вы начинали, в каких театрах работали и, если это не секрет, сколько лет?

— Мне 31 год. Я учился в Ленинградском консерватории у прекрасного дирижера и педагога Мариса Янсона, с которым мы и сейчас поддерживаем контакты. После окончания, в 1989 году, учился в венской аспирантуре, там я закончил у профессора Карла Эстеррайхера, у которого, кстати, учился Марис Янсон. Эстеррайхер говорил,

что Марис — его сын, а я, получается, — внук. Сам я словак, из Братиславы и т.д.? Или вы сейчас сконцентрируетесь на Москве? — Да, прежде всего я могу сказать, что я отменил несколько своих личных гастролей. Конечно, я сконцентрировался на Москве, потому что руководить Большим театром из самолета, — трудно. Я, конечно, хочу прежде всего заниматься творчеством, но здесь приходится решать и много административных задач. Я для этого должен иметь своих людей, свою группу, которая бы этим занималась. Для меня было открытием, что, оказывается, все еще существует прописка. Я считаю, что это дискриминация. Это должны отменить чем раньше, тем лучше. Какая же может быть свобода, если существует прописка. У нас страдает из-за этого оркестр. В Москве сейчас трудно устроить конкурс, много оркестров. Но я знаю хороших музыкантов, которые есть в Новосибирске, в других городах России... Оказывается, нельзя: прописка. Мы ходили к московскому правительству... Нашла первая цель — это качество. Очень частоывают решения, которые не может выхолит театр. Скажем, с планированием работы, с репертуаром. Но мы что-то передавали, исправляли, и план на этот сезон уже не ужасный. Столько работы!

постановку. За два сезона я продиржировал более 120 спектаклей. Так сложилась моя судьба, что я чаще выступал с певцами. В Вене проводится фестиваль, который называется «Моцарт в Шенбрунне», в замке, на открытом пространстве, в парке ставятся оперы Моцарта. Там я ставил оперу Моцарта «Свадьба Фигаро», потом пришло предложение поставить ее в Москве. В Вене я поставил «Дон Жуана» Моцарта. Также я много гастролитовал со всеми симфоническими оркестрами, которые существуют в Чехии и Словакии. Я работал в Праге в Государственной Опере и в Штутгартской Опере. Потом были мои личные гастролы в Японии. То есть, у меня есть опыт и симфонический, и оперный.

— Какие оперы вы сами хотели бы предложить для постановки в Большом театре?

— Много названий... Лучше не идут немецкие, французские оперы. Только один «Фауст», но здесь бы он вообще не шел, чем в такой постановке как здесь. И из итальянских опер белканго ничего нет. Поэтому первое название — «Лючия ди Ламмермур» Доницетти в концертном исполнении. У нас сейчас есть предложение купить за рубежом сценографию, использовать в одном очень хорошем театре, и костюмы, а потом ее поставить. Но сейчас мы решили выпустить в концертном исполнении, потому что важно занять исполнителей. Будем ставить «Богему», которая пойдет в феврале, затем — «Травяную». В следующем сезоне, надеюсь, будут «Дон Жуан», «Кармен» и «Аида». В дальнейшем, возможно, появится «Набукко». К сожалению, у нас сейчас нет солистов, чтобы исполнить Вагнера, хотя без него, также как и без Моцарта, без композиторов белканго, не представить оперный театр. Я бы хотел привлечь внимание Большого театра к XX веку. У нас будут оперы Рихарда Штрауса. В будущем сезоне — «Саломея». Может, потом поставим Берга. 25 сентября 1996 года — в день юбилея Шостаковича — собираемся показать его «Катерину Измайлову». Вот это то, что я хотел бы поставить. Если удастся — я буду считать, что это то с репертуаром Большого театра мне удалось сделать.

Я понимаю, что удобно ставить то, что легко поставить, легко играть, но это не должно быть нашей целью. И наоборот, мы сейчас должны очень много работать. Сейчас все хотят ехать на гастролы. Сначала надо выстроить репертуар. Все думают, что Большой театр должен ехать на гастролы с «Борисом», «Хованщиной». Я говорю: посмотрите, с чем едет на гастролы Мариинский театр — с «Тоской», «Севильским цирюльником»... Здесь люди отошли от реальности. Раз Большой театр, то гастролы только с русскими названиями. Почему? Что, если Венская Опера — так только Моцарт, Штрауса или Бетховен? Венская Опера поехала на гастролы в Японию с «Борисом Годуновым». Разве нельзя показать русского Вагнера, русского Штрауса, Моцарта?

— Как вы предполагаете распределить время между Москвой, Веной, Братиславой и т.д.? Или вы сейчас сконцентрируетесь на Москве?

— Да, прежде всего я могу сказать, что я отменил несколько своих личных гастролей. Конечно, я сконцентрировался на Москве, потому что руководить Большим театром из самолета, — трудно.

Я, конечно, хочу прежде всего заниматься творчеством, но здесь приходится решать и много административных задач. Я для этого должен иметь своих людей, свою группу, которая бы этим занималась. Для меня было открытием, что, оказывается, все еще существует прописка. Я считаю, что это дискриминация. Это должны отменить чем раньше, тем лучше. Какая же может быть свобода, если существует прописка. У нас страдает из-за этого оркестр. В Москве сейчас трудно устроить конкурс, много оркестров. Но я знаю хороших музыкантов, которые есть в Новосибирске, в других городах России... Оказывается, нельзя: прописка. Мы ходили к московскому правительству...

Нашла первая цель — это качество. Очень частоывают решения, которые не может выхолит театр. Скажем, с планированием работы, с репертуаром. Но мы что-то передавали, исправляли, и план на этот сезон уже не ужасный. Столько работы!

Беседовал Дмитрий МОРОЗОВ
Фото Алексея БРАЖНИКОВА

*Морозов
1997-7*

*1997-7
№ 8-9*